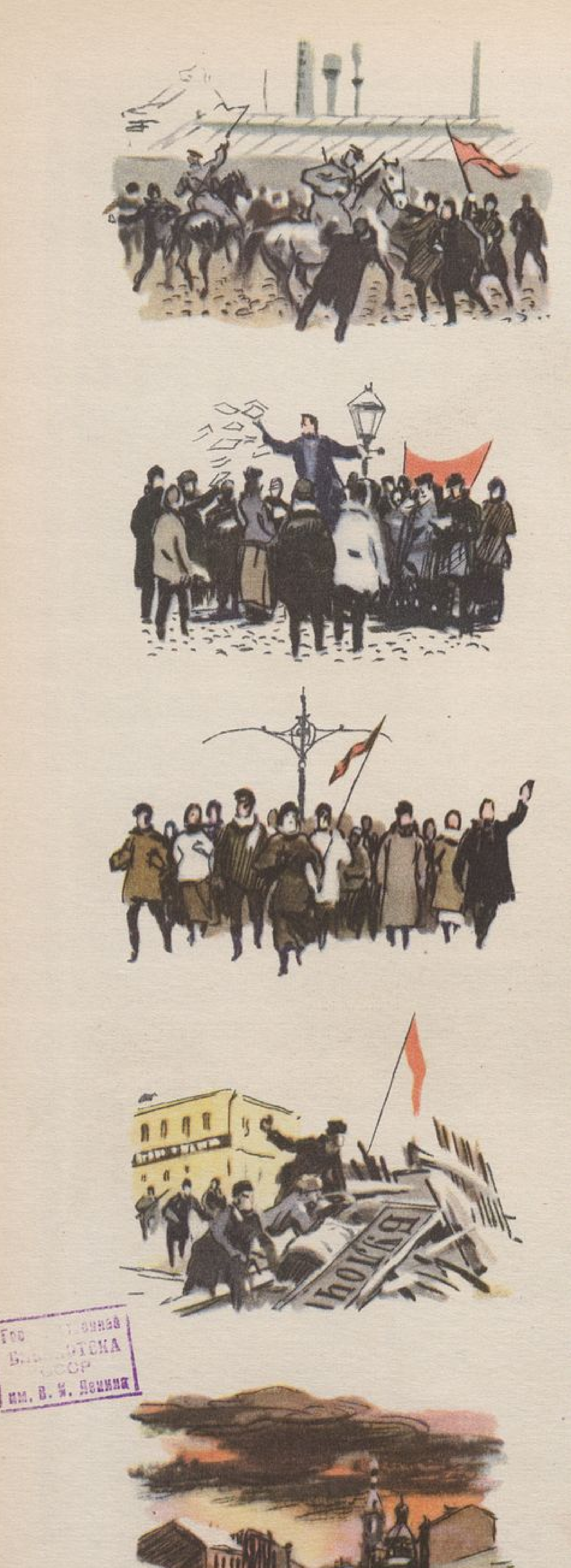

МУРЗИЛКА

№ 12
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов
ДЕКАБРЬ
1955

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К рисунку на обложке

В глухую январскую ночь 1905 года, задолго до рассвета, проснулась у себя в каморке петербургская ткачиха Дарья Иванова. Тихо встала она с постели, засветила лампадку перед иконой, оделась потеплей сама, закутала в полушубок сынишку и вышла.

— Не ходи, Дарья, не верь царю, убьют! — сказала ей в коридоре соседка.

— С дитём-то? — удивилась Дарья. — С образами-то? Кто ж нас тронет!

На улице в темноте глухо шумела толпа.

Петербург был тогда столицей России, и царь жил в Петербурге. Ещё верили многие рабочие люди в бога и в царя. Верила и Дарья Иванова.

Вот к нему-то, к царю, и пошли рабочие в январе 1905 года. Не было у них ни красных знамён, ни боевого оружия.

«Мы пришли к тебе, государь, искать правды и защиты... Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом... Лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...» — так было написано в рабочей просьбе к царю, и Дарья эту просьбу выучила наизусть.

Ещё не понимала она, что свободу не добудешь просьбами у царя. Ещё не знала она настоящей правды: только с оружием в руках может победить рабочий класс в революции.

В ответ на наивную и горячую просьбу рабочих царь приказал стрелять в стариков, детей и женщин.

Страшная весть о чудовищном злодеянии разнеслась по всей стране. Уже не иконы, а красные знамёна борьбы взвились над рабочими отрядами. В России началась первая революция. Вспыхнули вооружённые восстания в Перми, в Новороссийске, в Сормове, в Севастополе...

В Москве в декабре 1905 года в течение девяти дней рабочие вели героическую вооружённую борьбу с войсками и полицией царя. Центр восстания — Пресня защищалась героически. Но руководящие органы восстания были разгромлены ещё до его начала. Московский комитет большевиков был арестован. Царское правительство перебросило в Москву карательные гвардейские части. Краснопресненские баррикады были расстреляны из орудий, вся Пресня стояла в дыму и огне пожаров.

...Отыскался и след Дарьи Ивановой. На помощь московским рабочим дружинам в дни восстания пробрались небольшие группы питерцев. На одной из последних разбитых пресненских баррикад внезапно загородила дорогу казачьей сотне группа женщин. Рядом с работницами Трёхгорки с красным знаменем в руках стояла высокая, сильная и суровая женщина, никому на Пресне не знакомая. Гордо и прямо стояла она перед казаками, и такая за ней виделась сила и правда, что не посмели выстрелить в неё казаки.

Говорят, что это и была Дарья Иванова, ткачиха.

Царю удалось на этот раз нанести поражение революции.

Но это поражение было вместе с тем и победой рабочих. Ленин звал продолжать бесстрашную и беспощадную вооружённую борьбу с царизмом. Рабочие пошли за Лениным, и настало время, когда революция победила.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Иосиф Виссарионович Сталин.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

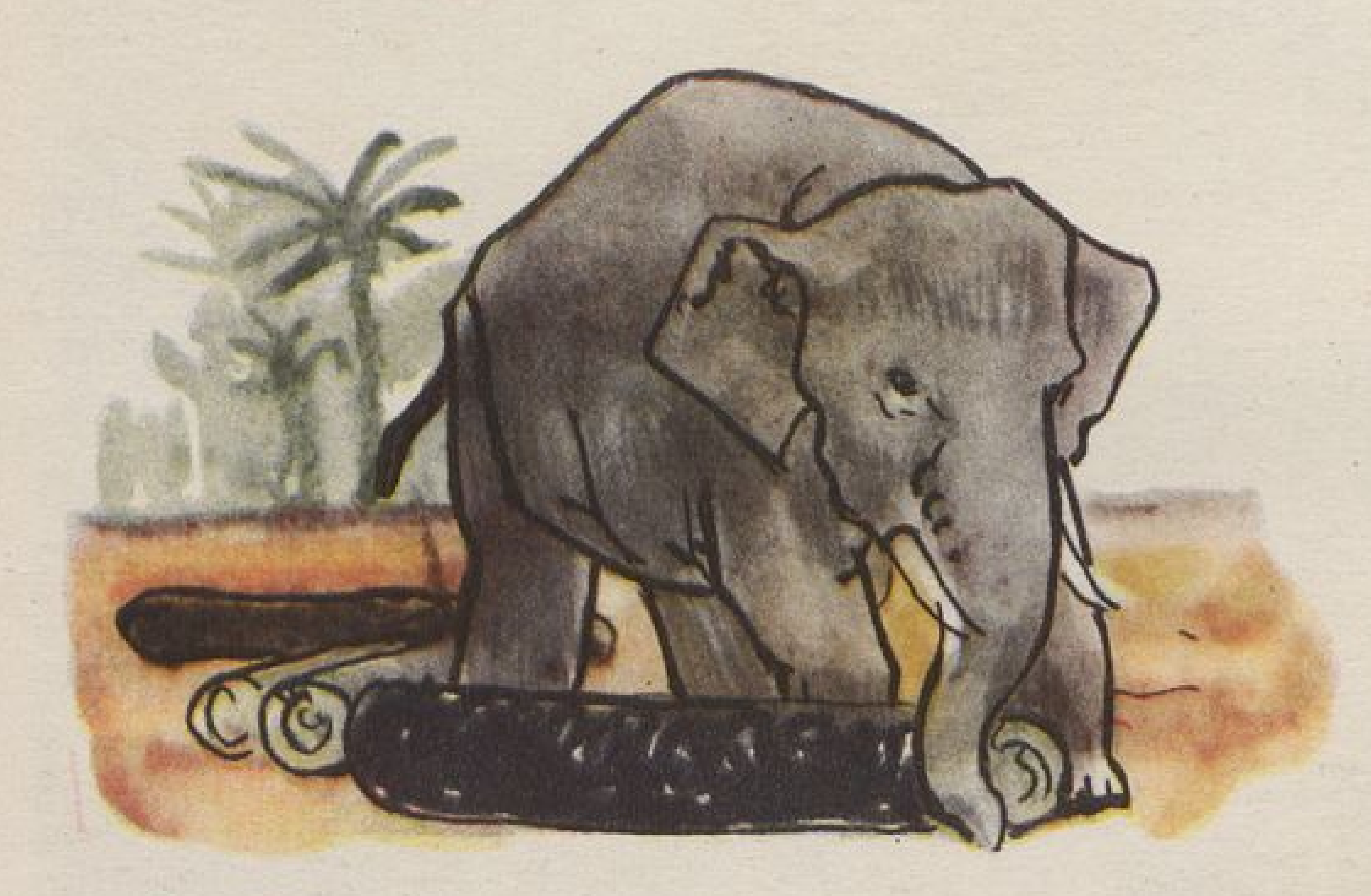
ДМИТРИЙ ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

Рис. А. ГОНЧАРОВА

ЛЕВ

Сила у льва велика,
Лапой он свалит быка.
    На части его разорвёт
    И кости его разгрызёт.
Хищный зверь,
Красивый зверь,
    С длинною гривой,
    Сильный на диво.

СЛОН

Очень силён
Добродушный слон,
    Он и льва самого посильней.
Он ростом с дом,
Широким лбом
    Камни толкает,
    Деревья ломает,
В хоботе брёвна таскает.

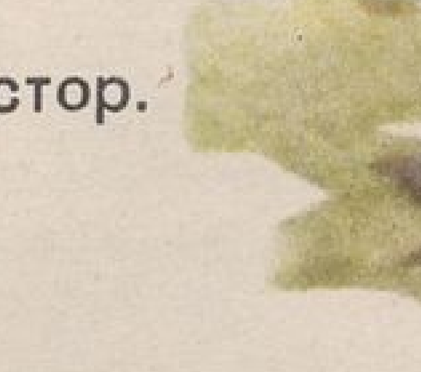

ВЕТЕР

Вечно в полёт
Мчится вперёд.
    Гонит тучи
    Ветер могучий.
Силы в нём много,
Ярости много.
    Что ветра быстрее?
    Что ветра сильнее?

МОРЕ

Волны бьют,
Волны бьют,
Ревёт морской простор.
Широких волн,
Могучих волн
Неудержим напор.

РЕКА

Течёт,
Непрерывно течёт,
Несёт свои воды река.
Кружит мельничные колёса,
Отражает в широких плёсах
Пробегающие облака.
То в ущельях
бушует, несётся,
То в полях
широко разольётся.
Бежит века,
Сильна река.

ЧЕЛОВЕК

Он невелик перед слоном,
А сколько силы в нём!
Он в клетку льва посадил,
К работе слона приучил.
И прилежен слон,
Слушается он.
Человек,
Он и ветер сумел приручить,
Ветряки заставил крутить,
Прочным молом
Дорогу волнам преградил
И плотиной реку усмирил.
В новом русле
Река течёт,
Людям свет и тепло даёт.
Сравнивай теперь и гляди:
Кто сильнее всех — рассуди.

Перевёл с абхазского
Владимир Державин

Гвоздь

СЕРГЕЙ АНТОНОВ
Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

За лето школу отремонтировали: стены классов, которые ещё весной были поблекшие, как запылившаяся листва, выкрасили светложёлтой краской. Потолки побелили, покрасили доску, и она теперь стала блестящей и без единой царапины; заново прошпаклевали и покрасили парты.

Много труда и усилий вложили люди, чтобы сделать школу такой нарядной.

Всё было хорошо, но на первой же перемене произошло и смешное и неприятное событие. Коля Мельников, первым выходивший из класса, у двери споткнулся обо что-то и упал. Кругом засмеялись. Засмеялся и Генька. А подошёл к двери — тоже споткнулся и чуть не упал.

— Ха-ха-ха! — смеялись ребята.

Соня, которая шла позади Геньки, смеялась вместе со всеми. Но и она споткнулась.

Тогда ребята наклонились и увидели, что гвоздь на одной доске вылез наружу.

— Отремонтировали, называется! — недовольно сказал Коля Мельников и пошёл дальше, почёсывая правую коленку.

— Бракоделы, — сказал Генька. — Гвоздь как следует забить не могут!

А Соня сказала:

— Нужно сторожу Николаю Павловичу сказать. Пусть забьёт.

Но к сторожу она не пошла, а пошла гулять с подругами на улицу, где светило солнце и на углу продавали мороженое.

О гвозде забыли.

А на следующей перемене, когда школьники после звонка толпой валили из класса, Коля Мельников, забыв про гвоздь, опять споткнулся и упал.

Раздался дружный хохот. Вместе со всеми смеялся и Генька. А подошёл к двери, споткнулся и тоже упал.

Соня, которая опять шла позади Геньки, засмеялась. Но и она споткнулась.

Тогда все вспомнили о гвозде.

— Называется, отремонтировали, — недовольно сказал Коля Мельников почёсывая теперь уже левую коленку.

— Бракоделы, — сказал Генька. — Гвоздь как следует забить не могут!

Соня же сказала:

— Нужно сторожу Николаю Павловичу сказать. Пусть забьёт.

Но и теперь к сторожу не пошла, а пошла погулять на школьный двор.

После перемены, когда ребята гурьбой возвращались в класс, Коля Мельников осторожно обошёл гвоздь.

Генька и Соня тоже обошли.

А Вася Птахин пошёл прямо.

— Отремонтировали, называется! — сказал он, передразнивая кого-то. — Бракоделы. Гвоздь как следует забить не могут! И сторожу Николаю Павловичу сказать надо. Пусть забьёт. — И сделал вид, что осторожно переступает гвоздь.

— А гвоздя-то нет! — сказал вдруг кто-то. Все наклонились и увидели, что доска плотно прибита и гвоздь по самую шляпку всажен на своё место.

Ребята засмеялись и посмотрели на Васю Птахина.

А Коля Мельников, Генька и Соня очень удивились: ведь Вася-то ни разу не споткнулся.

МИХАИЛ КОРШУНОВ *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

ДЕТИ ШАХТЁРОВ

— Все собрались? — спросил Прохор Герасимович.

— Все, — ответили ребята.

Сидели во дворе шахты в тени старой водоотливной машины. Здесь было безопаснее всего: полицейские и чиновники из конторы сюда не заглядывали.

— Так вот, — сказал Прохор Герасимович. — Сегодня вечером перенесёте трубы и установите на терриконе, что от Байдановской шахты остался.

— Дядечка Прохор, Байдановский террикон это тот, что возле полицейской управы, да? — поинтересовалась Фрося, по прозвищу Девчонка — чёрная копчёнка. Лицо и руки у неё были чёрными: она вместе с пожилыми женщинами выбирала из угля пустую породу. Из этой пустой породы и состоят терриконы — огромные насыпи.

— Да, тот самый, — кивнул Прохор Герасимович. — Когда стемнеет, закопаете трубы, как я вам объяснял, — и по домам. Яков, а заглушки вы напилили?

— Напилили, Прохор Герасимович. Десять штук.

— Хватит.

— А я тряпок наготовила, — сказала Вера. Она была в холщовом фартуке и с проволочной кочерёжкой. Вера тоже выбирала из угля пустую породу.

— А я вёдра припасла, — добавила Нюша. — Два ведра.

Поблизости под откосом зашумел, осыпаясь под чьими-то ногами, шлак.

— Кто там таится, выходи! — громко сказал Прохор Герасимович, который уже успел заметить ребячью голову, белесую от солнца.

— Я, — ответили басом из-под откоса.

— Кто «я»? Что за горобец *, выходи!

Медленно и неохотно вышел маленький взъерошенный паренёк в линялой сатиновой рубахе и в истёртых на коленях штанах. Он действительно был похож на горобца.

* Горобец — по-украински воробей.

В это время из посёлка долетел громкий женский голос:

— Ванёк! Васёк! Сидор! Пашка! Андрей! Яшка! Куда же вы, разбойство моё, подевались? Каша простынет!

— Наша мамка, — пробурчал Андрей. — На всю слободу кричит.

— Ну ладно. Давайте расходиться, — сказал Прохор Герасимович и поднялся с чугунного колеса, на котором сидел, — в шахтёрском тельнике, высокий, сутулый от многих лет работы в низких забоях.

Ребята начали расходиться. Шесть братьев послушно направились домой. А над посёлком разносился сердитый голос:

— Ванёк! Васёк! Сидор! Пашка!..

— Васёк? — удивился Яшка и сердито сказал: — Опять ты подглядываешь? Я же тебе повелел: сиди дома.

— Я не подглядываю, — хмуро ответил Васёк. — Я подслушиваю.

— Ох, и упрямый ты! — как бы оправдываясь за брата, вздохнул Яшка. — Хуже, чем лошак какой...

Васёк, поняв, что сейчас решится его участь, обратился к Прохору Герасимовичу:

— Примите меня. Я теперь всё могу делать.

— А раньше не мог, значит?

— Не мог. Ботинки у меня новыми были.

— Это как же? — не понял Прохор Герасимович.

— Ну-у, новыми. А теперь они старые. По чём хочу, по том и хожу. Хочу по воде, хочу по пылюке.

Ребята засмеялись. Прохор Герасимович тоже засмеялся.

* * *

Сгустились сумерки. В шахтёрских бараках запалились огни керосиновых ламп. Над вершинами терриконов, где недавно высыпали пустую породу, виднелось голубоватое пламя: в пустой породе имеется сера, поэтому терриконы вечно тлеют.

Ребята по двое и по трое переносили на Байдановский террикон уже негодные газовые трубы. Эти трубы валялись подле шахт. И то, что ими занимались дети, никого не удивляло. Дети часто играли на терриконах, пекли в них картошку. Но теперь это была уже не просто игра, а задание от рудничного комитета большевиков. На шахту требовалось незаметно провезти грузовик с оружием для восстания шахтёров. А как его провезёшь, когда полицейская управа расположена у самой дороги? Вот тут-то и пришла на выручку хитрость, которую придумал старый забойщик Прохор Герасимович. Выполнить её должны были ребята.

Командовал ребя-

тами Яшка, как самый старший. Он уже работал в шахте: отгребал от забоя уголь.

Когда перенесли все трубы, взялись за лопаты. Васёк тоже взялся за лопату, хотя ручка лопаты была гораздо выше самого Васька.

— Поглубже копайте, поглубже, — наставлял Яшка.

— Да там горячо, в глубине-то, — жаловался Васёк: он всё-таки беспокоился о своих ботинках.

Рыхлая порода копалась легко. Трубы, которые ребята принесли, были не совсем обыкновенными: с одного конца они были завёрнуты и заварены. Этими заваренными концами их и закапывали глубоко в горячий террикон.

Ребята старались не показывать виду, что почти каждый из них, работая лопатой, прислушивается, не идут ли к террикону полицейские.

В условном месте, в кочегарке коксовой печи, сидит сейчас Прохор Герасимович. Он, конечно, тоже волнуется за них, и ждёт, и надеется на своих пацанов-горобцов и девчонок-копчёнок.

— Нюша, Фрося, — распорядился Яшка, — тащите вёдра с водой.

— Яшка, — подошёл к нему Андрей. — А чем будем заглушки вколачивать?

— Тут у меня наклёпный молоток припрятан и сосновый брус.

В посёлке стояла тишина. Слышался только привычный шум в здании сортировки и мойки угля, да изредка звенели в шахтах сигналы подъёмных машин.

Когда все трубы глубоко закопали в террикон, в них до половины налили воды и потом забили тряпками и заглушками. Труднее всего было забивать заглушки. Колотили наклёпным молотком по сосновому брусу, который и вгонял заглушки в трубы. Фрося и Нюша тоже потребовали, чтобы им разрешили колотить, а не только воду таскать.

Наконец справились с последней заглушкой и, усталые, присели отдышаться.

— То-то полицейских заморочим, — сказал Пашка, растирая ушибленные молотком пальцы.

— Настоящая батарея, — кивнул Сидор. — Как жиганёт по башке — и кудахнуть не поспеешь!

— А вдруг и не жиганёт совсем? — усомнилась Фрося.

— Это почему?

— Ну, не получится.

— У Прохора Герасимовича и чтоб не получилось!..

— А что, разве он пробовал прежде такое?

— А может, и пробовал.

— Будет вам! — махнул рукой Яшка. — Пора в посёлок итти.

Ему надо было заглянуть ещё в котельную и доложить Прохору Герасимовичу, что трубы установлены.

...Ночью в полицейской управе началась суматоха. В газовых трубах закипела вода, образовался пар, и трубы открыли стрельбу. Полиция, путаясь в темноте и ничего не понимая, ринулась к Байдановскому террикону. А тем временем грузовик с оружием, который был укрыт неподалёку в рощице, выехал на дорогу, благополучно миновал полицейский пост и добрался до заброшенной откосной штольни, где был устроен для оружия склад.

ЖЕЛУДЁВЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Дорогие ребята! Вы, наверное, видели в нашем журнале картинки с приключениями маленьких желудёвых человечков. Эти «отважные моряки» очень понравились нашим читателям.

Может быть, поэтому многие ребята в своих письмах в редакцию даже сделали подписи-рассказы к картинкам.

Мы эти рассказы прочитали и решили, что они будут интересны и вам.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Ребята смастерили из желудей человечков. Когда дети легли спать, человечки подговорились бежать. Они убежали. Пришли в лес и из коры сделали лодочку с парусом. А один человечек хотел плыть отдельно. Он себе сделал лодочку из ореха, а парус из листика. Вот они и поплыли. Плывут, плывут... Всё хорошо. Только человечек из ореховой лодочки упал в воду. Ему бросили спасательный круг. Теперь-то он не утонет.

Приплыли к югу. Стали мастерить себе домик. Дружно работали все человечки, и скоро дом был готов. Очень красивый, нарядный домик. И даже телевизор у них был. Вот капитан стал ловить рыбу, а его помощник воду носить в желудёвой шляпке. А в комнате было ещё лучше. Светляки внутри всё осветили. У всех были кроватки... Человечки стали выпускать газету и читали её около печки вслух.

Вечером капитан смотрит кино «Пятнадцатилетний капитан». Один человечек уснул, а художник стал рисовать лошадку. Только спутал краски — лошадки жёлтые не бывают. Охотник делает лук. Он будет охотиться. Скоро все будут ужинать — есть рыбу и ягоды. А собачка утащила кусок рыбы.

Ученики 2-го класса „А" 200-й школы г. Москвы

Моряки выстроили себе большой и тёплый дом. Они жарко натопили печь и принялись за любимые дела. Один мастерил лук, второй рисовал, третий читал газету. Повар варил вкусный обед. Дежурный спал после вахты. Так дружно жили моряки на острове.

ГАЛИНА БАЙКОВА

Моряки подплыли к берегу. Надо было готовиться к зиме. Они принялись строить дом. Работали все. Кто закрывал крышу от холодного ветра, кто строил антенну для телевизора, кто рубил дрова. А рыболов отправился удить рыбу. Ему помогала маленькая собачка.

ВОЛОДЯ МАКСИМОВ

Мы сделали корабль из коры. Корабль назывался «Мурзилка». Мы сделали и моряков. Моряки отправились в плавание. Навстречу им плыла лодка. На ней были двое. Вдруг один упал в море. Моряки с корабля бросили ему спасательный круг. Человек был спасён.

МИША КОМАРОВСКИЙ

МАЛЬЧИК И ТУЧА

Вл. ЛАДЫЖЕЦ

Рис. Т. ЛОРЕНС

Забирался я на кручу,
Где отец пасёт отару.
Вижу: зацепилась туча
За вершины сосен старых.

Грозно к ней бегу я с прутом:
— Эй, проваливай-ка, живо! —
Повернулась туча круто
Да как хлынет крупным ливнем.

Весь промокший, ёжась зябко,
Я с горы бегу в долину.
По дороге скинул шапку,
Где-то бросил хворостину.

Дальше некуда бежать,
Стал отца на помощь звать.

Если б был отец со мною,
Я бы разве побежал!
Встал бы за его спиною,
Он бы тучу отогнал.

Перевёл с украинского Я. Аким

Летом в Африке очень жарко. Трава высыхает и становится жёлтой. Все звери стараются спрятаться в тени рощиц, разбросанных по степи. Только смешные антилопы гну — животные с рогами и копытами быка, гривой и хвостом лошади — да полосатые зебры спокойно пасутся на солнцепёке.

Вдруг насторожились высокие жирафы, вскочил лежавший в траве носорог, перестали щипать траву гну и зебры. Два льва не спеша прошли через поляну и скрылись среди травы. Они ни на кого не обратили внимания: львы охотятся ночью.

Инсценировка Л. Воронковой

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дед.	Заяц.
Бабка.	Волк.
Колобок.	Медведь.
Кот.	Лиса.

I

На сцене — стол, скамейка. На столе — миска. Бабка сидит у стола, прядёт пряжу. Входит Дед. За поясом у него топор. Дед снимает шапку, кладёт топор в сторонку и тоже садится к столу.

Дед. Ну вот и дровец тебе нарубил. Уморился... Хоть бы ты, старая, мне колобок испекла!

Бабка. Да из чего испечь тебе этот колобок? Муки у нас нет.

Дед. Эх, старая! По коробу поскреби, по сусекам помети — вот и наберётся.

Бабка. Ладно. Быть по-твоему. Неси дров — испеку тебе колобок!

Отодвигает гребень, берёт миску и уходит. Дед уходит с ней вместе.

II

На сцене — скамейка. На скамейке сидит Колобок.

Колобок. Ух и жарко! Чуть не угорел в печке. Ну, зато и поджарился я и зарумянился!

Входит Кот.

Кот. Мяу!..

Обнюхивает Колобка, ходит вокруг него, трогает лапой.

Ты кто такой?

Колобок. Я Колобок. А ты?

Кот. А я здешний Кот. Я здесь работаю. Мышей ловлю. А если Бабушка зазевается, и сметанки слизну. Люблю сметанку!

Колобок. А я на сметанке мешён!

Кот. Чувствую! От тебя сметанкой пахнет. Вот я тебя и съем.

Колобок. Не ешь меня, Кот! Я тебе песенку спою!

Кот. Ну ладно, пой свою песенку. А пока поёшь — и остынешь. Тогда я тебя и съем.

Колобок *(поёт)*.

Я Колобок, Колобок!
Я по коробу скребён,
По сусеку метён...

Оглядывается на Кота. Кот слушает и дремлет. Колобок слезает со скамейки и убегает.

III

На сцене яркие бумажные цветы — это луг. На луг входит Заяц. Робко оглядывается по сторонам. Нюхает цветы, любуется ими. С другой стороны выбегает Колобок. Колобок и Заяц пугаются друг друга, вскрикивают и отскакивают в стороны. Издали разглядывают друг друга. Колобок осмелел, подошёл поближе к Зайцу. Тот тоже подошёл к Колобку.

Колобок. Ты кто?

Заяц. Я Заяц.

Колобок. Ты мышей не ловишь?

Заяц. Нет. Я не люблю мышей. Я люблю травку, молодую кору... А больше всего люблю то, что на грядке растёт. А ты кто?

Колобок. А я Колобок. По сусеку метён.

Заяц. А тебя едят?

Колобок. Конечно, едят. Кот меня хотел съесть. И Бабушка с Дедушкой хотели съесть. Я ведь на сметане мешён.

Заяц *(задумчиво)*. Никак не пойму, кто ты такой...

Колобок. Ну ладно, слушай. Я тебе всё по порядку расскажу. *(Поёт.)*

Я Колобок, Колобок!
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от Дедушки ушёл,
Я от Бабушки ушёл,
От тебя, Зайца, подавно уйду!

Колобок убегает. Заяц с недоумением оглядывается.

Заяц. Где же он? Сейчас тут был, а сейчас и нету. Капустный кочешок, например, так не поступает. И репка так не поступает. И морковка... Уж если их найдёшь, то они и будут лежать перед тобой, хоть неделю сиди. Ну ясно, что этот Колобок не на грядке вырос. А если не на грядке, то какой же в нём вкус? На сметанке мешён... *(Пожимает плечами.)* Не знаю!.. *(Уходит.)*

IV

На сцене несколько ёлочек. Можно вместо них поставить горшки с большими цветами и воткнуть ветки деревьев. Это лес.

Входит Волк.

Волк. Целый день в лесу брожу, ничего не нахожу. Ни белки, ни куницы, ни зайца, ни лисицы...

Вбегает Колобок.

Стой! Что-то живое по дорожке катится!

Колобок увидел Волка. Остановился.

Волк *(нюхает его)*. Ты, кажется, из теста?

Колобок *(с дрожью)*. Из теста... Меня волки не едят.

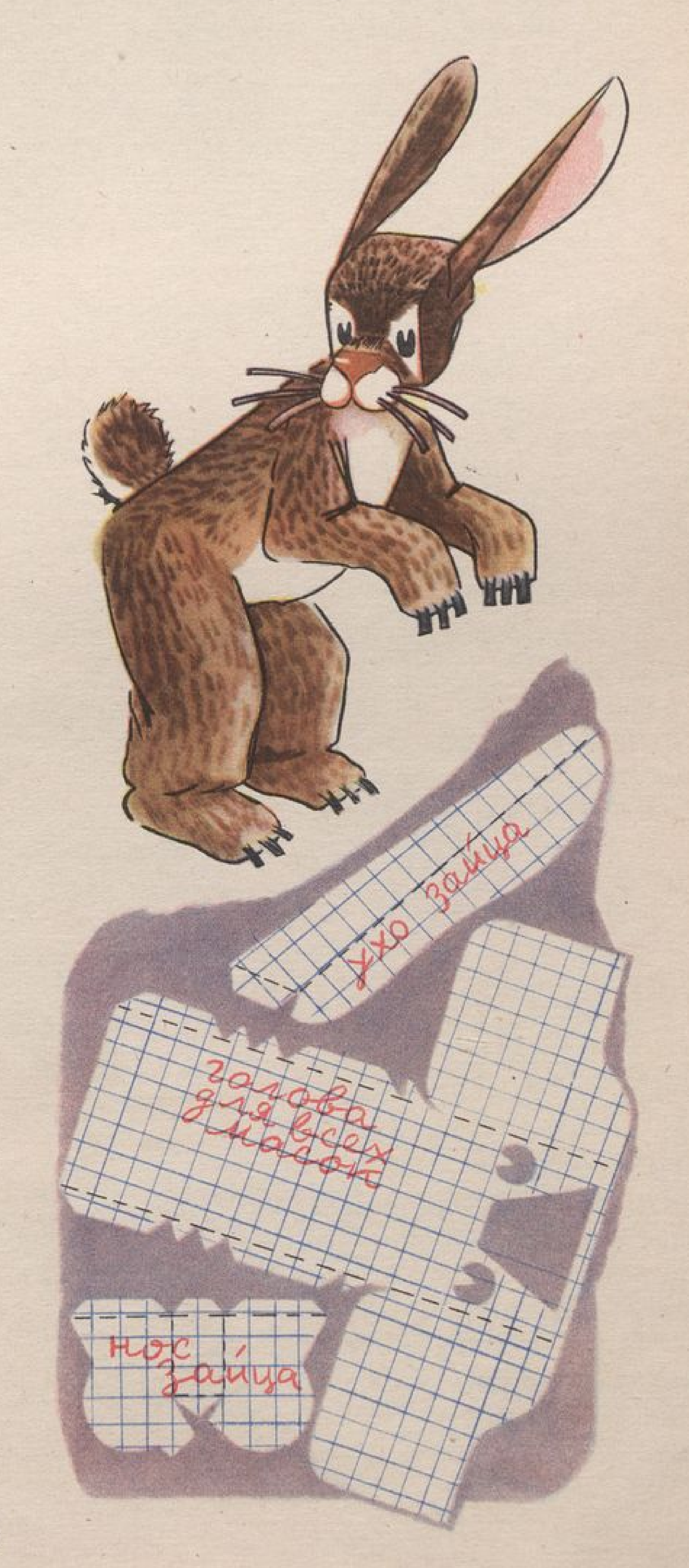
Волк. Вообще не едят. Но когда ничего лучшего нет... можно и съесть!

Колобок. Не ешь! Не ешь меня, Серый Волк! Я тебе песенку спою!

Волк. Ну ладно. Пой, да поживее.

Колобок *(запевает)*.

Я Колобок, Колобок!
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,

На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён...

Волк. Очень долго рассказываешь. Я есть хочу.

Колобок *(отступая за ёлки).*

Я от Дедушки ушёл,
Я от Бабушки ушёл,
Я от Зайца ушёл...
От тебя, Волка, подавно уйду!

(Убегает за ёлочки.)

Волк бросается за Колобком.

Волк. Нет, не уйдёшь, не уйдёшь! *(Натыкается на ёлочки, падает, вскакивает, опять натыкается, падает. Наконец убегает прихрамывая.)*

V

На сцене — ёлочки погуще. Торчат древесные сучья (лесная чащоба). Выбегает Колобок.

Колобок. Ох и гнался же за мной Серый Волк! Но разве меня догонишь? Укатился — и всё! *(Приплясывает.)* Чу! Кто там? Медведь идёт. Хворост ломает, кусты к земле гнёт.

Выходит Медведь. Он трёт лапами глаза. Увидев Колобка, останавливается.

Колобок. Ты о чем плачешь, Медведь?

Медведь. Я? Плачу?.. Я не плачу. Меня пчёлы искусали. Медку из улья хотел достать.

Колобок. Не достал?

Медведь. Не достал. А у тебя жало есть?

Колобок. Нету.

Медведь. Ну и хорошо. Тогда я тебя сейчас съем.

Колобок *(пожимает плечами).* Все хотят меня съесть. Наверно, я очень вкусный. Только где же тебе, косолапому, меня съесть? Послушай лучше мою песенку!

Медведь. Ну спой. Люблю песни. Только, когда допоёшь — скажи. Тогда я тебя и съем.

Колобок. Ладно. Скажу. *(Поёт.)*

Я Колобок, Колобок!
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён...

Медведь сначала подтягивает ему. Потом начинает храпеть и засыпает.

Колобок *(поёт всё тише и тише).*

Я от Дедушки ушёл,
Я от Бабушки ушёл,
Я от Зайца ушёл,
Я от Волка ушёл...
От тебя, Медведь, подавно уйду!

(Заканчивает свою песню и убегает.)

Медведь *(поворачивается на другой бок).* ...по коробу сажён... на окошке мешён... на сметанке стужён... метён... *(Засыпает ещё крепче.)*

VI

На сцене — ветки, цветы. Выбегает Колобок и со смехом садится среди цветов.

Колобок. Чудак этот Медведь! Захотел меня съесть! Да разве меня перехитришь? Никто меня не поймает, и никто меня не перехитрит!

Входит Лиса. Увидела Колобка. Колобок вскочил.

Лиса. Ох, кто ты, такой приятный?

Колобок. Я — Колобок! *(Охорашивается.)*

Лиса. Здравствуй, Колобок! Я слышала про тебя, слышала, слава по лесу идёт — в трубы трубят. Какой же ты пригоженький, румяненький...

Колобок. Я на сметане мешён!

Л и с а. На сметане! Да разве на одной сметане? Уж, наверно, мёду-сахару немало положено! *(Нюхает воздух.)* Ну конечно, так мёдом-сахаром и пахнет! Да ты подойди ко мне, Колобок, я тебя не съем!

К о л о б о к. Да меня никто не съест. Я очень хитрый! *(Поёт.)*

Я Колобок, Колобок!
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от Дедушки ушёл,
Я от Бабушки ушёл,
Я от Зайца ушёл,
Я от Волка ушёл,
От Медведя ушел...
От тебя, Лиса, нехитро уйти!
(Приплясывает, готовясь убежать.)

Л и с а. Славная песенка! Да то беда, голубчик, что стара я стала — плохо слышу. Подойди поближе да пропой ещё разок — уж очень хорошо ты поёшь!

К о л о б о к. Да я могу хоть десять раз спеть!

Л и с а. Знаешь, Колобок, твоя песня такая сладкая. Может, ты споёшь её моим деткам? Пойдём ко мне домой, то-то им будет радость на тебя поглядеть, твою песенку послушать!..

К о л о б о к. Ну что ж, пойдём. Пускай послушают!

Я Колобок, Колобок...

Лиса, виляя хвостом от радости, уводит его.

VII

На сцену выходят все действующие лица, кроме Колобка. Поют хором:

Колобок, Колобок!
По коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.

Д е д. Он от Дедушки ушёл.

Б а б к а. И от Бабушки ушёл.

З а я ц. И от Зайца ушёл.

В о л к. И от Волка ушёл.

М е д в е д ь. От Медведя ушёл.

Л и с а. А от меня, Лисы, не сумел уйти!

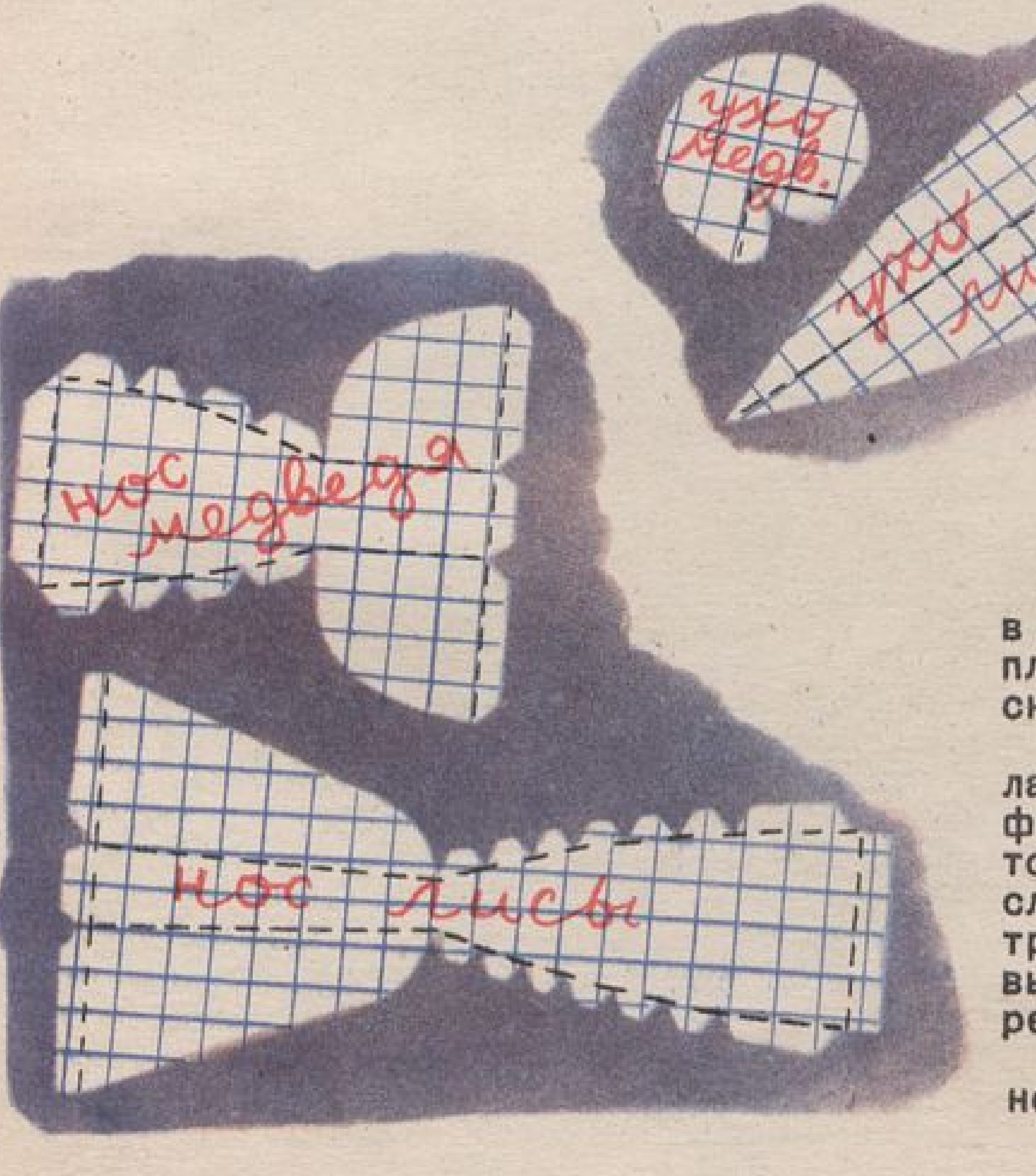
К о т. Уж очень любил Колобок, когда его хвалили. А если бы не любил он так похвал, то, может, и сейчас катился бы по лесам и лугам и распевал бы свою песенку.

Все запевают:

Колобок, Колобок!

И с этой песней уходят со сцены.

К о н е ц

КАК СДЕЛАТЬ КОСТЮМЫ

Маски зверей нужно увеличить в несколько раз и перевести на плотную бумагу. Потом вырезать, склеить и раскрасить.

Маску для Колобка надо сделать так: надуйте камеру от футбольного мяча и обклейте её тонкой бумагой в четыре-пять слоёв, оставляя незаклеенной трубку. Когда клей просохнет, раскрасьте маску. Затем выпустите воздух из камеры и выньте её из маски. Вырежьте в маске отверстия для головы и глаз.

Костюмы хорошо сшить из материи и раскрасить анилиновыми красками.

ОГУРЕЧИК

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Огуречик, огуречик,
Не ходи на тот конечик—
Там мышка живёт,
Тебе хвостик отгрызёт!

Украденный нос

Рис. В. ТАУБЕРА

Эту сказку написал немецкий писатель Ингеберг Майер-Рей. Сказка получила первую премию на конкурсе детской и юношеской литературы в Германской Демократической Республике.

На краю деревни стоял дом. В нём жили Карл, Катринхен и их братишка Воробушек. Каждый день отец уходил работать в лес. Лес начинался сразу позади садика, в котором было очень хорошо играть.

Однажды зимой, когда выпал снег, дети стали лепить снежного человека, большого-пребольшого. Снежный ком для толстого живота катал Карл, потому что Карл был самым сильным из всех троих. Катринхен катала снежный ком для верхней части туловища, а маленький Воробушек катал из снега голову, круглую как шар.

Не лёгкая это была работа!

Мать дала им красную морковку для носа, две сушёные сливы для глаз и целую кисть красных ягод рябины для губ, а вместо шляпы — старую корзину.

Наконец снежный человек был готов, и Карл воткнул ему под руку хворостину. Ребята так радовались, что до самого вечера не могли с ним расстаться.

Но как же они были огорчены, когда на следующее утро прибежали к своему снежному человеку! Исчез красивый морковный нос, исчезли черносливные глаза и рябиновый рот. Толстые ледяные сосульки слёз свисали с его щёк. А кругом на снегу виднелись таинственные следы.

Что случилось? Кто испортил снежного человека? Как узнать это?

Катринхен придумала.

Снежному человеку сделали новый нос, новые глаза, новые губы, а вечером ребята сели в комнате у окна и стали сторожить. Долго ли, коротко ли — прискакали из леса зайчишки. Хотелось им полакомиться морковкой, да она была слиш-

ком высоко. Но вот вышла из леса, тревожно оглядываясь, робкая лань и... утащила морковный нос.

Теперь ребята узнали, кто ночные воры. Это так взволновало всех троих, что они никак не могли уснуть. Долго шептались они в темноте и, наконец, порешили, как быть.

Утром снежному человеку вставили в руки большущий поднос с угощением для птиц и зверушек. Карл выпросил у мамы пустой цветочный горшок, горсть зёрен, кусочек сала и смастерил кормушку для синичек. Потом он принёс каштаны, жёлуди и орехи. Мама дала ещё большую кормовую свёклу и несколько кочанов капусты. А когда пришёл отец, он поставил ясли с сеном для ланей. Дети ликовали, а у снежного человека лицо стало весёлое: ведь приятно кормить голодных зверушек!

Сперва прилетели птицы: воробей, синица, дрозд и пёстрый дятел. Снежный человек улыбался от удовольствия.

Скоро по всему лесу пошла молва, что у снежного человека голодные звери могут поесть досыта. Вороны тоже прослышали об этом, и вот они уж тут как тут. Снежный человек не на шутку испугался при виде шайки чёрных разбойниц с большими клювами. Прежде чем он успел прикрыть свой нос, одна из ворон, самая наглая, выдернула морковку. Но другой тоже хотелось полакомиться. Они ссорились из-за морковки до тех пор, пока не прибежал пёс Болли. Он громко и сердито залаял. С перепугу вороны выронили морковку и остались ни с чем.

Гордый своей победой, Болли отнёс морковку домой, и снежный человек снова получил свой красивый длинный нос.

Но не успел снежный человек успокоиться от этих волнений, как из леса вы-

скочили три белки и стали играть в салочки, бегая вокруг его головы до тех пор, пока она не закружилась. «Только бы они мой нос не трогали!» — думал с тревогой снежный человек. Нос-то остался на месте, да зато шляпа слетела.

Вечером, когда взошла луна, наступило самое приятное. Тихо, бесшумно прибежали вприпрыжку зайцы и кролики, чтобы погрызть капусты и репы. Пришли лани и стали щипать сено своими бархатными губами.

Все спокойно закусывали, а сова сидела на голове снежного человека и любовалась весёлым пиршеством.

Но под утро случилась беда: из-за ёлочки выглянула пара жадных сверкающих глаз. Зайчики замерли от страха. Но храбрые лани выставили свои рожки и приготовились к битве: «Пусть только попробует сунуться лиса! Не достанется ей ни один зайчик! Мы забодаем её острыми рожками...»

И лиса — хитрая, злая хищница — испугалась. Ползком, крадучись, отступила она и ушла своей дорогой.

Зима близилась к концу. День ото дня солнышко припекало сильнее, и в один прекрасный день выглянул первый подснежник.

Снежный человек расхворался. Под тёплыми лучами солнца он обливался потом, так что капли стекали у него по животу. Руки, державшие поднос, ослабели и опустились. Человек становился всё меньше и меньше. Он таял. Но зверушек это не страшило. Ведь пришла весна. Суровая зима осталась позади.

У ребят были грустные лица. Воробушек и Катринхен даже всплакнули: «Кто же будет теперь кормить зверушек, если снежный человек растаял?»

Они побежали к отцу и рассказали о своём горе.

Отец посадил Воробушка на колени и сказал:

— Ну и чудаки же вы все трое! Раз зима прошла и снег растаял, зверям не нужен ваш снежный человек. Весна приготовила им своё угощенье из трав, корешков, почек и молодой коры. Вот станет тепло, и мы пойдём с вами в лес навестить зверей. Увидите сами, как им теперь хорошо живётся!

Перевели П. Печалина и Е. Рубцова

КАК БРОВКУ ЛЕЧИЛИ

Л. ВАРКОВИЦКАЯ ***Рис. В. КАРПОВА***

Бровке один год и два месяца. У неё уже порядочные рожки, но куда больше рогов её лохматые подвижные уши.

Бровку привезли в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку вместе с девятнадцатью такими же, как она, белыми, костромской породы телятами из колхоза «Пятилетка». Их вырастили телятницы Валя Астафьева и Валя Сухова.

Всё лето телята были веселы и здоровы, не то что жеребёнок из соседнего павильона. Этот попрошайка ухитрился-таки полакомиться мороженым. Есть ведь такие неразумные посетители—кормят животных чем не следует. Хорошо, что конюх во-время свёл жеребёнка в ветеринарную поликлинику тут же, на выставке.

А теперь и Бровке пришлось туда отправиться.

Самый первый признак болезни — плохой аппетит. Целый день Бровка отказывалась и от концентратов, и от сена, и даже от арбузного силоса. А к вечеру смерили ей температуру: сорок и четыре десятых!

Валя Астафьева — опытная телятница. Иначе она подумала бы, что телёнку приходит конец. Но Валентина знает: у рогатого скота тридцать девять — тридцать девять и пять десятых вполне нормальная температура.

Скверно было то, что Бровка стала скучной и брела в поликлинику, повесив голову.

В поликлинике — уже совсем темно.

Днём экскурсовод через большие застеклённые двери показывает посетителям выставки хирургическое и перевязочное отделения, где вместо кушеток для осмотра больных блестят металлические стойла.

Рядом с душевой принимает лечебную ванну рыжая карабахская кобылка — известный чемпион выставки.

А вот чуть подальше по коридору расхаживает высокий немолодой человек — хозяин породистой собаки. В эту минуту хирург оперирует её — подрезает уши. Ещё долго пёс будет вспоминать врача, лаять и кидаться на каждого человека в белом халате.

...В приёмном покое вспыхнул свет.

— Ну так и есть — вздутие рубца, — сказала, осмотрев Бровку, Галина Георгиевна, дежурный врач.

И бедной Бровке пришлось дать целых пол-литра слабительного. Выпив горькое лекарство, тёлочка сильно замотала головой.

Галина Георгиевна, посмеиваясь, дала Бровке запить бутылку воды, сделала тёлочке подкожное впрыскивание и объявила, что оставляет пациентку в больнице при поликлинике.

Плохо спалось этой ночью телятнице Вале. Вот тебе и двукратная участница выставки, а за телёнком не углядела! Телята, конечно, жадные, прожорливые, и, как на грех, недавно им стали выдавать на рацион любимый арбузный силос. Обжора Бровка не иначе как ухватила чью-то чужую порцию.

Утром, покончив с уборкой и кормлением телят, Валя заспешила в больницу.

В отделении для молодняка были только две больные. Шоколадного цвета тёлочка ещё продолжала завтракать, а Бровка тыкалась мордой в пустую кормушку и, сердясь, даже постукивала копытцами.

Мальчик лет десяти-одиннадцати в пионерском галстуке усердно подметал пол.

Валя удивлённо посмотрела на него: как сюда попал этот пионер? Мальчик охотно объяснил, что он недавно вернулся из пионерского лагеря, что мама его работает тут, в больнице, а он ей помогает.

— И знаете, — сказал он, кивая на Бровку, — у меня с ней только на одну букву разница. Моя фамилия Бровко, а она Бровка. Я бы ей сразу сена принёс, да Галина Георгиевна не позволила. Она её голодом лечит.

— Правильно, Толя.

Валя и не заметила, как подошёл доктор.

— Ну что ж, — сказала она весело. Сегодня вашей больной значительно лучше. Температура тридцать девять и семь десятых, почти нормальная. Но есть ей ничего не дадим до вечера.

Бровка будто поняла слова доктора.

Она прижалась мордой к решётке и, моргая густыми белыми ресницами, жалобно замычала.

Валя вошла за загородку, обняла тёлочку и прямо в её большое лохматое ухо прошептала:

— Не сердись, дурочка, на доктора. Она тебе добра желает. Потерпи, миленькая, скоро я тебя возьму домой.

ЁЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ

Рис. Е. ГОЛОВЛЁВА

Ребята! Такие игрушки можно сделать из картона, цветной бумаги, спичечных коробок, яичной скорлупы, еловых и сосновых шишек, желудей, пробок, катушек и даже из картошки («Кот в сапогах»).

Сделайте эти игрушки для своей ёлки.

На обложке рисунок Ю. Коровина

Художественный редактор О. Камнин Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06 *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать первый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А04290 Подписано к печати 27/X 1955 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 650 000 экз. Заказ 2254

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская ул., 21.

Маленькая девочка написала на доске слово «Мир». Слово это понятно и дорого всем людям на земле: и взрослым и детям. Поэтому плакат, напечатанный в журнале «Пломек», так любят все польские дети.

Мы перепечатали этот плакат в «Мурзилку» для вас, наши дорогие читатели.

